

**РАЗВИТИЕ НОРМЫ: АНАЛИЗ ПРИРОДЫ НОРМЫ
КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕГРАТИВНОГО ПОНИМАНИЯ ПРАВА,
ИНТЕГРАТИВНЫЙ ЭФФЕКТ И ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА В ТЕОРИИ ПРАВА**

Дмитрий Александрович Леусенко

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ld08@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена представлению основных парадигм и теоретических конструкций правопонимания, расширяющих представления о содержании интегративной природы права, интегративном понимании права. Характеризуется роль превращенной формы социогенеза для формирования природы права и теоретической конструкции интегративного правопонимания.

Ключевые слова: норма, нормогенез, социогенез, политогенез, правогенез, интегративное правопонимание, превращенная форма, non-finito, социальная реальность

Для цитирования: Леусенко Д. А. Развитие нормы: анализ природы нормы как основание интегративного понимания права, интегративный эффект и превращенная форма в теории права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 45–53. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-45-53>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

**DEVELOPMENT OF THE NORM: ANALYSIS OF THE NATURE OF THE NORM
AS THE BASIS FOR AN INTEGRATIVE UNDERSTANDING OF LAW, AN INTEGRATIVE EFFECT
AND A TRANSFORMED FORM IN THE THEORY OF LAW**

Dmitry A. Leusenko

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ld08@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the presentation of the main paradigms and theoretical constructions of legal understanding that expand the understanding of the content of the integrative nature of law, the integrative understanding of law. The role of the transformed form of sociogenesis for the formation of the nature of law and the theoretical construction of an integrative legal understanding is characterized.

Keywords: norm, normogenesis, sociogenesis, politogenesis, pravogenesis, integrative legal understanding, transformed form, non-finito, social reality

For citation: Leusenko D. A. Development of the norm: analysis of the nature of the norm as the basis for an integrative understanding of law, an integrative effect and a transformed form in the theory of law. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):45–53. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-1-45-53>.

Эффект non-finito, получивший развитие в рамках первоначального интегративного понимания права в России, подразумевает состояние определенной незавершенности, сложившейся исторически и объективно, в результате теоретической, конструктивной недостаточности авторской теории. Он получил развитие в художественном творчестве и недостаточно изучен в теории науки.

Ученый в стремлении открыть новое должен идти до конца, руководствуясь жаждой научного творчества, целями и идеалами этоса науки. Кроме того, в отличие от художника, намеренно не прорисовывающего какую-то деталь ради более точного воспроизведения собственного замысла, исследователь рискует, особенно на теоретико-методологическом уровне, быть не понятым. Игра света и тени применительно к труду мыслителя представляет куда более опасную дилемму знания и не знания, истины и тьмы заблуждений.

Естествоиспытатель и представитель гуманитарных дисциплин руководствуется тем планом, который формируется на основании объекта исследования. Будучи составным элементом определенной среды и взаимодействуя с другими элементами, объект задает определенную исследовательскую последовательность. Конечно, и ремесло художника определяется законами физического мира, но в руках у художника есть внешние средства выражения, которые позволяют ему при благоприятном стечении обстоятельств, упорстве и приложении своего таланта, превратить свое занятие в настоящий шедевр.

Подобное мастерство и искусство ученый может проявить только в том случае, если в своих изысканиях он идет кратчайшим путем к цели и если его трудно превзойти в ясности логики изложения проблемы, обоснованности применяемых теоретических и методологических конструкций и эффективности его объяснительной модели, причем последняя лежит у основания многих теоретических изысканий ученых-учеников. Ученые-новаторы, ученые-первопроходцы формируют первоначальную исследовательскую и интерпретационную модель, способную в силу содержания данной модели выполнить роль основания для теоретической системы в целом. В данном случае от обстоятельств развития конкретно научной дисциплины, логики развития научных коллективов зависит, насколько ясно передана другим интерпретационная модель, насколько ясно прозвучала мысль о том, что объект изучаемой экономической, социальной, политической, государственно-правовой, коммуникативной реальности может своим развитием характеризовать тот или иной процесс, оказывающий заметное влияние на данную реальность. Большое значение имеет сформировавшаяся на момент развития концепции теоретико-методологическая среда, развивающая или, напротив, ограничивающая исследовательские установки новой концепции.

При этом художник облакает свою авторскую идею в форму, а для ученого такой формой служат суждения о реальности, которую он изучает и порой примеры из художественного творчества позволяют объективировать, сделать внешними сложные закономерности развития природы объекта. Особенно важно это применительно к той теоретической конструкции, которая развивалась в начале XX в., и в которой нашли отражения начала интегративного понимания права в России, но она получила дальнейшее развитие уже в творчестве авторов XXI в. Речь идет о таком теоретическом направлении как нормативизм, причем известны как представители юридического нормативизма, так и представители социологического направления в нормативизме. Интегративное понимание права только повторило «судьбу» нормативизма конца XIX – начала XX вв. и оказалось разделенным из-за осознания социальной и юридической природы права, будучи представленным работами таких известных юристов как Б.А. Кистяковский, Р. Штаммлер, Г. Кельзен. Вместе с тем, в России, в отличие от западной науки, благодаря единству объекта исследования, удалось сохранить единство метода исследования, системного в своей основе.

Огюст Роден, один из теоретиков в *non-finito* в скульптуре, видел в этом способе возможность превращения материальной действительности в действительность духовную¹. Этим же руководствуется и автор-гуманитарий в случае, когда сложно объяснить, сделать внешними закономерности изучаемой реальности. К такому приему прибегал известный методолог права, представитель российской модели нормативизма и социологической школы, сторонник интегративного понимания права, один из авторов знаменитого в России сборника «Вехи» Богдан Александрович Кистяковский².

¹ С этой стороны видны устремления А.С. Яценко и Н.И. Палиенко, стремившихся выразить духовные начала права, как начала всеобщего христианского императива (со своих позиций видел таким образом содержание права и В. Соловьев), но они видели только результат развития права из его социальной природы, как бы видели знаменатель, но в отсутствии превращенной формы отсутствовал числитель.

² Применительно к эффекту *non-finito* в теории эстетики в середине XX в. возникла концепция Й. Гантнера (см. [1]), П. Михелиса (см. [2]), отмечавших, что незавершенность художественного произведения

Определенным результатом в исследовании эффекта non-finito в эстетической теории стал труд Т. Адорно, работа над которым прерывалась автором несколько раз, а труд был издан в финальной версии, но все же незавершенным. «Ближе всего к произведению искусства как явлению стоит apparition - небесное явление. В том, как небесное явление возникает в небе, высоко над людьми, чуждое их устремлениям и всему вещному миру, есть нечто глубоко родственное произведению искусства. Произведения искусства - это нейтрализованные и в результате этого качественно измененные эпифании, явления божества людям» [3, p. 119; 4] - написал в 1970 г. Т. Адорно. В этом исследовании Т. Адорно пишет, что «загадочное в произведениях искусства состоит в их незавершенности; если бы в них присутствовала трансцендентность, они были бы мистериями, а не загадками; загадками они являются потому, что, будучи незавершенными, «недостроенными», они отрицают то, чем хотят тем не менее быть сами. Произведения искусства, как бы они ни стремились выглядеть совершенными и законченными, никогда не договариваются до конца...» [3, p. 186].

«Если мы после всего сказанного сравним реальность права с реальностью рассмотренных нами различных видов культурных благ, то мы прежде всего, конечно, должны будем признать своеобразие той реальности, которая присуща праву. Ее следует поставить приблизительно посередине между реальностью произведений скульптуры и живописи, с одной стороны, и произведений литературы и музыки - с другой. Но все-таки ее придется признать немного более близкой к реальности первого вида культурных благ, чем второго. Ведь ясно, что *право не может существовать без субстанциональных элементов общественной организации, которые составляют его неотъемлемую часть (выделено Д.А.Л)*» [5] - отмечает Б.А. Кистяковский в работе «Социальные науки и право», вышедшей в 1916 г.

Данный методологический сборник был составлен из статей предыдущих лет. Его работы, доказывающие необходимость анализа природы нормы права исходя из социальной природы права, не получили широкой известности на Родине в силу засилья позитивизма и марксизма в юридической науке и социологии в послереволюционный период.

В 1947 году Дж. Холл поставил вопрос о необходимости «интегративного правопонимания» [6]. Его теоретический поиск был поддержан Дж. Берманом [7] и другими авторами. Например, своеобразное интегративное понимание права разрабатывается французским профессором Ж.-Л. Бержелем¹. Солидаризируясь с его высказыванием о праве как результате «событий социального порядка и проявлений воли человека», явлении «материальном и совокупностью моральных и общественных ценностей», о праве «идеале и реальности», явлении «исторического плана и нормативного порядка», следует отметить, что в данном определении права отсутствует способ созидания, создания природы права, отсутствует указание на тот механизм, который делает право именно тем интегративным, интегрируемым и интегрирующим продуктом социальных сил.

Речь идет о превращенной форме или, точнее, о превращении определенного социального содержания в операциональную форму, регулируемую своими границами социальный процесс, тем самым связывая в единство процесс нормогенеза (развитие социальной нормы и развитие нормы права) и делая значимым социогенез для правогенеза, где в первом а)

связана с осознанным желанием художника оставить свою работу незавершенной, чтобы тем самым побудить недосказанностью субъекта восприятия к большей фантазии, сделать его восприятие более свободным, сформировать условия для сотворчества с рецепиентом. В скульптуре примером такой работы может считаться памятник Оноре де Бальзаку уже упоминавшегося скульптора О. Родена. В живописи незавершенность стала одной из основ импрессионизма, особенно в дадаизме. Признанным мастером незавершенности считается Н.И. Фешин, преподаватель Американской академии искусств, русский, советский и американский художник, который часто не заканчивал свои работы. По его мнению, подобный прием позволял ему сделать более наглядным творческий процесс создания произведения.

В СССР вышли работы по теории эстетики знаменитого, парадоксального советского ученого М. Лившица (обвиненного в конце 40-х гг. XX в. в космополитизме и ожидавшего ареста), в которых рассматривается эффект non-finito. В определенном смысле все его научное творчество носило незавершенный характер.

¹ Право как таковое является одновременно продуктом событий социального порядка и проявлений воли человека, явлением материальным и совокупностью моральных и общественных ценностей, идеалом и реальностью, явлением исторического плана и нормативного порядка, комплексом внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему, актов свободы и актов принуждения [8].

формируется процесс создания, развития нормы как определенной словесной установки, и далее б) формируется процесс соотношения, соответствия этой установки определенному социальному содержанию (что, соответственно, в процессе социогенеза закрепляется в человеческом индивидуальном и коллективном сознании и используется как процесс, как схема в правогенезе, когда в дело вступает более совершенная форма, форма права, облеченная и поддержанная государством), то есть когда нормативная природа социальной нормы (ее изложенность в рамках определенной, обладающей определенными границами содержания, формы) позволяет осуществиться процессу нормирования (нормативность нормы порождает нормированность, и тем самым нормативная природа нормы находит свое продолжение в нормативном по сути, нормативной природе социогенеза).

Вопрос о превращенной форме позволяет решить значительное число теоретических проблем в понимании права в силу того, что социальная норма как превращенная форма находится генетически в самом начале процесса социо и правогенеза, в ее природе находят развитие все силы, все факторы развития права (экономический, социально-демографический, социально-психологический), само содержание и логика взаимодействия элементов в развитии нормы обуславливает (и одновременно объясняет, интерпретирует) дальнейшее, последующее развитие права, вырабатывая таким образом условия для специальной, ранее не встречавшейся в отечественном правоведении, теории понимания права и для осознания права как явления с постепенно формирующейся сущностью, в котором эта последняя составляет ее деятельную природу, улавливаемую теорией права.

В процессе развития права очень важно понимать, что его логические взаимосвязи, взаимосвязи элементов, порождающие логическую структуру права, являются продолжением, результатом социальных, экономических сил, подобно тому как превращенная форма, социальная форма нормы является продолжением действия экономических, социальных, психологических факторов. Норма права является результатом длительного процесса развития социогенеза и, далее политогенеза.

Когда возникающая государственная власть избирает в лице первоначального лидера необходимые для себя социальные установки, зачастую мы забываем о том, что первоначальный лидер использует первоначальную норму и первоначальную структуру нормогенеза, он вводит онтогенез нормы в пространство развития и действия права, без чего, без наличия представления о действии нормы и без понимания соотношения нормы как словесной установки действительному содержанию невозможно развития нормы права. Лидер берет не уже готовую норму права, а созидает ее из нормы, социальной нормы. Норма первоначально находится перед строительством нормы права, и так сложилось исторически, это реальная, конкретно-историческая ситуация и объективный процесс, конструирующий право. Таким образом норма права, являясь высшей формой у Г. Кельзена, с одной стороны, получает эффективное объяснение через прояснение вопроса о присутствии нормы права в коллективном, общественном сознании, объясняет взаимосвязь правогенеза с общественным сознанием (что получило рассмотрение с иной точки зрения у Л.И. Петражицкого, не верной по мнению Б.А. Кистяковского) путем эффективной интерпретации содержания процесса социогенеза (развития социальной нормы и процесса нормирования на ее основе) и его взаимосвязи с индивидуальным (норма как социальная установка формируется конкретными представителями древних сообществ) и коллективным сознанием (сообщества как участника процесса социогенеза [9]), а, с другой, позволяет Б.А. Кистяковскому указать на те ошибки в творчестве Р. Штаммлера и Г. Кельзена, которые, по его мнению, мешают верному формированию методологии познания права и общества. Благодаря подобному отношению к процессу социогенеза мы можем объяснить онтогенез, объяснить причинность внутренней формы права (вопрос о которой является одним из наиболее дискуссионных в теории права) по отношению к внешней, сделать социогенез закономерной частью правогенеза (а точнее, право и политогенез закономерной частью развития социогенеза).

С этих позиций хорошо видна интегрируемая (с точки зрения работы факторов социогенеза, приводящих к формированию нормы как социальной установки (переход к производящей экономике, рост численности человеческих коллективов и рост числа конфликтов), интегрирующаяся (в процессе социогенеза и в процессе освоения сознанием общества этого соответствия, противоположения социальной, устной установки социальному действию,

в результате чего оно становится нормированным и нормативным и соответственно социально значимым, и в рамках вовлечения данного процесса в процесс правогенеза, в рамках которого невозможна работа нормы права, пока в рамках социогенеза не сформируется понимание данного соответствия социальной нормы определенному социальному содержанию). При этом здесь важным является именно подобное понимание взаимосвязи процесса право и социогенеза, и это важно с точки зрения констатации факта и с точки интерпретации взаимосвязи социо и правогенеза, что есть взаимосвязь результатов действия нормы на уровне общественного сознания для понимания содержания процесса социогенеза и значимости данного соответствия социальной нормы социальной действительности для процессов правогенеза, без чего невозможно представить интегративную природу права. Подобное понимание важно для осознания истинности (или не истинности) разделения права на собственно право и закон.

На основании подобного понимания единства процесса социо- и правогенеза мы получаем возможность понять онтогенез права как явления с постепенно формирующейся сущностью, понять процессы взаимопорождающей связи между правом и государством как процессы онтогенеза, где целесообразно различать фазы эмбрионального (под покровом яйцевых оболочек, развитие социальной нормы до развития и рождения государства, присутствующего в таком же эмбриональном состоянии в явлении власти в первых сообществах) и постэмбрионального развития, когда благодаря формирующейся государственной власти формируется постэмбриональное развитие нормы права и собственно благодаря этому формируется государственная власть (ее публичный характер, ее законность и суверенитет), то есть, в полном смысле, из власти как индивидуальной установки и далее политической власти возникает власть государственная как феномен общественного развития)¹. Осознание этой взаимопорождающей связи не только как закономерности возникновения права и государства, помогающих друг другу в становлении, но и как порождающей взаимосвязи для взаимной природы права и государства, обретающей таким образом свое логическое содержание, логическое «тело» во взаимодействии элементов право и политогенеза, и одновременно действие подобной логической природы реализации функций и принципов права и государственного аппарата. И, конечно, подобная позиция в правопонимании позволяет рассмотреть и интегрирующую природу права, само формирование нормы права, ее влияние на процесс складывания государства, и, с другой стороны, необходимость данного процесса политогенеза для формирования самого права. Все то, что было порожденным, порожденным с точки зрения восприятия процессов социогенеза, развития социальной нормы, интегрируемым в плане восприятия, «заимствования» логики процесса соответствия социальной нормы социальному содержанию в соответствии нормы права определенному экономическому, политическому содержанию превращается в процесс интегрирования, когда право интегрирует уже своей таковой природой (как бы повторением круга, круга превращения определенного экономического, социального, политического содержания в форму права (и закона, соответственно внутреннюю и внешнюю формы; таким образом, возникает само интегративное действие интегрирующей себя природы права и понимание подобного интегративного действия и как результата, интегративной природы права).

Б.А. Кистяковский формулирует особое отношение исследуемого объекта (поскольку реальность права является квинтэссенцией действия экономических, социальных сил права), то есть, природы права по отношению к обществу и изучающей его теории (что является, как показало дальнейшее развитие социологии Т. Парсонса, очень важным для понимания природы общества социологами и природы права юристами, юридическими атропологами), говорит о необходимости познания реальности права и указывает на то, что именно норма является основой для понимания природы социальных процессов и природы права и именно она позволяет понять природу методологии социальных наук. Данная точка зрения является основной, главной для его методологической работы «Социальные науки и право» (к сожалению, вторая большая работа «Право и науки о праве» до сих пор не найдена).

---

¹ В равной степени это позволяет объяснить момент связи право и политогенеза, когда мы не можем считать в качестве развитого государства структуру, не обладающую формой права, равно как не можем считать формы обычного права формами права, пока не реализует себя государственная форма, не родится соответствующая форма государства.

К сожалению, в его творчестве не получило развитие представление превращенной форме, в развитой теории о социальной форме как активной, интегрирующей участнице процесса правогенеза, в том числе взаимодействия элементов социогенеза с содержанием процесса правогенеза (то есть, когда социальная форма соответствует, противоположена определенному социальному содержанию, которое она нормирует, и это известно человеческому сознанию, с этих позиций социогенез является для правогенеза онтогенезом (движущим, порождающим источником) и взаимодействие право и социогенеза приобретает истинный, закономерный характер (исключающий наличие каких-либо «фантазмов» права в сознании людей). Все это было связано в целом с теоретической недостаточностью осмысления вопроса о форме в европейской теории познания. О недостатках в теории познания, связанных с Платоном и Аристотелем, о желательном движении в познавательной традиции, связанном с Демокритом, убедительно пишет Б.А. Кистяковский. С точки зрения анализа его юридического мышления, мы можем наблюдать не развернутую теорию, а определенные методологические направления, которые представлялись Б.А. Кистяковскому важными и значимыми.

Еще в своей кандидатской диссертации (опубликованной в Германии в 1899 г.) он пишет о том, что для понимания процессов развития права необходимы пространственные аналогии, но он не использует понятие «превращенная форма» и для нас оно прочно связано с марксизмом. Он упоминает скульптуру и музыку в качестве примеров того, как «работает», как взаимодействует право с обществом, говорит о природе социальных наук, кроющейся в природе социальной нормы, но, как уже было замечено, не рассматривает превращенную форму с точки зрения главного механизма социогенеза и главного элемента в понимании права.

Большое значение на Б.А. Кистяковского безусловно оказали рамки исследовательской установки неокантианства, хотя, как уже отмечалось ранее, мышление Б.А. Кистяковского развивалось в данном случае в состоянии парадокса, кантианство ограничивало, но и способствовало тому, что Б.А. Кистяковский обратил внимание первым на те теоретические вопросы, которые оставались вне поля зрения других исследователей.

Как отмечает С.Л. Катречко, трансцендентализм Канта обладает рядом особенностей. Во-первых, кантовская мысль разворачивается в условиях «эпистемологического поворота» Нового времени, когда метафизика исследует уже не первоначала сущего, как это было у Аристотеля и последующей схоластической традиции, а «первоначала человеческого познания». Соответственно, развиваемая Кантом трансцендентальная философия «занимается не столько предметами, сколько нашим способом познания предметов ...». Это приводит к тому, что «первые причины» ... приобретают у Канта не онтологический, а гносеологический смысл: они выступают как [необходимо-всеобщие] трансцендентальные условия данности явлений сознанию» [10, с. 74]. Но в подобной установке содержались и условия для развития трансцендентальности нормы вследствие того, что не только сознание субъекта трансцендентально предмету, но и предмет трансцендентален субъекту.

При этом под процессом развития, процессом объективации нормы следует понимать не только некоторое овнешнивание скрытых внутренних закономерностей, но и всю могучую социальную силу, все факторы, ведущие к формированию общества и в общем-то данный процесс объективации характеризует «делание» общества в общество, а в равной степени он подразумевает формирование природы социальной нормы и запускает процесс социогенеза. Благодаря появлению нормы, ее объективации общество превращается в общество, обретает свою социальность и природу коллектива. К сожалению, большого развития данный термин в социологии не получил, в отличие от юридической науки.

Интерес представляют теоретические конструкции Б.А. Кистяковского и далее известного американского социолога Т. Парсонса, которые постарались построить на анализе объективации нормы свои объяснительные модели природы общества и права, постарались выстроить на основе объяснения особой природы нормы и ее значения для теоретической науки систему, объясняющую через моделирование в теории базового понятия (понятие о норме) и базовой абстракции (содержание объективных закономерностей формирования нормы) (благодаря подобному построению в системе мы можем наблюдать в действительности природную сущность права как действующий, работающий механизм логического взаимодействия, процесс логической взаимосвязи, делающий видимым для нас «работающую», интегративную, логическую по своему содержанию во взаимосвязи факторов, элементов развития,

природу права, запускающую действие права (действие права, запускаемое содержанием природы права, выраженным взаимодействием элементов права и действительного содержания, пожалуй, это является одним из непосредственных выводов, возникающих при анализе системы, формируемой Б.А. Кистяковским по поводу реальности, объективности права и метода ее постижения; взаимодействие элементов социогенеза, такая интегрируемая природа права, взаимодействие формы права и элементов действительного содержания, реального мира образует ту логическую интегративную природу права, которая делает его уникальным феноменом в истории человечества, но требует соответствующего структурного анализа элементов природы права) сложную природу общества и права, сложную, объективно существующую в реальности систему взаимодействий, порождающих общество и право через представление об особой, идеальной природе нормы, значимой, наиболее привлекательной для подобного моделирования вне границ между объектом и исследующей теорией (факт, получивший подтверждение и конкретизацию в работах и Б.А. Кистяковского, и Т. Парсонса), позволяющей сформировать модель взаимодействия, приводящую к образованию природы общества и права (норма права как понятие у Б.А. Кистяковского) в теоретической авторской системе.

Благодаря подобному построению в системе мы можем наблюдать в действительности природную сущность права как действующий, работающий механизм логического взаимодействия, процесс логической взаимосвязи, делающий видимым для нас работающую, интегративную, логическую по своему содержанию в взаимосвязи факторов, элементов развития, природу права, запускающую действие права (действие права, запускаемое содержанием природы права, выраженным взаимодействием элементов права и действительного содержания, пожалуй, это является одним из непосредственных выводов, возникающих при анализе системы, формируемой Б.А. Кистяковским по поводу реальности, объективности права и метода ее постижения; взаимодействие элементов социогенеза, такая интегрируемая природа права, взаимодействие формы права и элементов действительного содержания, реального мира образует ту логическую интегративную природу права, которая делает его уникальным феноменом в истории человечества, но требует соответствующего структурного анализа элементов природы права).

Именно в таком контексте следует понимать, в качестве завершения подобной теоретической системы (не до конца выстроенной и незавершенной) следует понимать «синтезное понимание природы права» Б.А. Кистяковским. Подобное понимание природы нормы как особого по своей природе объекта для теоретической системы (понятие научного идеализма Б.А. Кистяковского) получает развитие в творчестве Н. Гартмана, раскрывающего ошибочность представлений о природе идеальных объектов в европейской теории познания, идущей еще от Платона и Аристотеля (о тех же причинах теоретических затруднений высказывается Б.А. Кистяковский, анализируя европейскую теорию познания). Вместе с тем, теоретическая конструкция Б.А. Кистяковского содержит только начальный теоретический этап в осмыслении нормы, но значимый для понимания замысла исследователя. На этой основе, на основе юридического мышления Б.А. Кистяковского возможно формирование базовых элементов теории интегративного понимания права как интегрируемой (в социальном мире), интегрирующейся (во взаимодействии с процессом политогенеза и образование государства) и интегрирующей (формирование посредством права формы государства), то есть, интегративной по результату природы права. Принципиально значимым является и тот факт, что в рамках анализа теории правопонимания Б.А. Кистяковского мы можем наблюдать формирование базового метода теории интегративного понимания права, который в силу особенностей объекта исследования (природы права) находит свое продолжение как в рамках школы интегративного понимания права, формирующейся в XXI в., так и в рамках теоретической конструкции известного российского, французского правоведа и социолога Г. Гурвича, работы которого можно считать продолжением теоретической конструкции интегративного понимания права.

Как отмечает один из наиболее известных специалистов в области теории познания Л.И. Микешина, «в течение веков в европейской культуре явно или неявно господствует субъектно-объектная гносеология, создателями которой считают Р. Декарта, Дж. Локка, И. Канта». Согласно ее точке зрения, гносеологическая традиция кардинальным образом повлияла «не только на различные философские, научные, вообще теоретические построения, но и на многообразные методики обучения и образования, на педагогику в целом, а также на искусство».

Как отмечает Л.И. Микешина, «именно оппозиция субъекта и объекта в ее разнообразных вариантах олицетворяла рациональность, являлась базовой для систематической гносеологии, основанием ее «научности». Философ отмечает, что «неполнота, нереальность, несоответствие этой теории как предельно абстрактной по отношению к действительным событиям и процессам в познавательной деятельности человека, неприложимость ее непосредственно к живому познанию и его истории замечены давно, что породило множество различных попыток объяснить саму природу гносеологии, усовершенствовать ее либо просто отбросить и предложить новые способы понимания и видения познания, т.е. разработать иные по природе учения о познании». Именно такую попытку предпринял Б.А. Кистяковский в начале XX в., именно она содержала системные основания с точки зрения метода познания и в качестве результата постулировала синтезное определение права. Его «социальная норма» как «элемент познания истинной методологии социальных наук» преодолевает эту субъектно-объектную границу и является уже переходной к точке зрения Н. Гартмана¹.

Процесс развития нормы, на содержание которого в качестве основополагающего начала изучения права указал Б.А. Кистяковский, делает понятным и сам процесс постижения, изучения природы права, и содержание данного процесса. Развитие нормы, пути ее возникновения, как говорил Н. Гартман, одновременно являются и способом познания ее природы, и таким образом мы познаем интегративную, постепенно формирующуюся деятельную сущность права. Объективация, овнешнивание нормы, делание ее в качестве объекта нашего исследования происходит не в нашем воображении, а представляет реальный конкретно-исторический и социальный процесс, логическое содержание которого представляло для Б.А. Кистяковского важное значение для изучения природы права.

Теоретическое содержание, связанное с построением модели процесса развития нормы в рамках теоретической системы, вытекает из постановки проблемы исследования, представленной Б.А. Кистяковский в работе «Социальные науки и право». Для его работы подобное содержание представляет собой фиксацию факта особенной природы нормы для теоретической конструкции, осознание того, что природа нормы может являться основанием для анализа нормы в рамках теоретической конструкции в рамках преодоления ограничений и субъектно-объектных барьеров гносеологической познавательной традиции. Он преодолевает недостатки кантовской познавательной установки (причем последняя, будучи таковой, представляя процесс познания объекта в качестве его конструирования в сознании исследователя, позволяла понять трансцендентную природу права и с точки зрения своего содержания позволяла сформулировать представления о постижении синтезной природы права в рамках теоретической конструкции) но в формирующейся теории интегративного понимания права отсутствовал важный элемент, понимание превращенной формы социальной нормы.

Возможности кантовской познавательной установки позволяли сформулировать необходимую для исследования постановку проблемы, и сформировать теоретическую конструкцию в качестве начала системного метода исследования права в рамках интегративного (с точки зрения Б.А. Кистяковского, синтезного понятия о праве) понимания природы права. Подобный вектор в развитии метода познания права был продолжен Г. Гурвичем.

---

¹ «Теории напрасно борются против феноменов; только «вместе с феноменами они могут чего-либо достичь» – отмечает Н. Гартман. Критикуя современное ему научное мировоззрение, онтолог отмечает, что причины неблагополучного положения в теории познания скрываются в «известной фальсификации самой позитивной науки», в рамках которой науку «редуцировали к «научному мышлению» как таковому, к ее внутренним методам и операциям, поставили вне зависимости от бытия мира, заставили ее идти как бы собственными путями. «Данное развитие – продолжает Н. Гартман – сводится к отказу от онтического предметного содержания в науке. Качественное и в еще большей степени собственно субстанциальное остаются за пределами схватывания. Ограничиваются рассмотрением отношений, законов, форм, понимая их так, будто они установлены, привнесены мышлением или даже произведены субъективно. В основе последней точки зрения лежит в свою очередь предрассудок, будто отношения суть не сущее, но мыслимое; указанным образом за предметом познания, который в значительной мере существует в отношениях, нельзя было признать права даже на самостоятельное бытие. Он все больше и больше приравнивался к содержательно строящемуся в процессе познания понятию (в данном случае Н. Гартман пишет о гносеологической традиции и формировании понятий в ее рамках. – Д.Л.). А в соответствии с этим его законы, т.е. все, что в нем становилось постижимо во внутренних отношениях, начинали пониматься как логические отношения, суждения, формулы. Науку заставили работать вхолостую». Цит. по: [11, с. 90].

Тем не менее, теоретическая конструкция интегративного понимания права оставалась незавершенной в XX в. Все это позволяет говорить о том, что в работах Б.А. Кистяковского мы можем наблюдать первоначальный анализ развития природы нормы в рамках теоретической конструкции, построенной на началах повторения, моделирования логической природы нормы, понимание интегративного эффекта, возникающего в процессе развития природы нормы права при рассмотрении значения ее социальной природы.

Список источников

1. Gantner J. «Das Bild des Herzens». *Über Vollendung und Un-Vollendung in der Kunst*. Reden und Aufsätze. Berlin, 1979.
2. Michelis P.A *Asthetikos: Essays in Art, Architecture and Aesthetics*. Detroit: Wayne State University Press, 1977.
3. Adorno, Theodor W. *Ästhetische Theorie*. Ed. Gretel Adorno and Rolf Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1970. 513 p.
4. Adorno, Theodor W. *Aesthetic Theory*. Ed. Gretel Adorno and Rolf Tiedemann. Trans. Christian Lenhardt. London and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1984. 518 p.
5. Кистяковский Б.А. *Право как социальное явление*. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1916. 708 с.
6. Hall J. From Legal Theory to Integrative Jurisprudence // *University of Cincinnati Law Review*. 1964. Vol. 33, № 2. P. 170-182.
7. Berman Harold J. *The integrative jurisprudence*. Boulder, Colo.: WestviewPress.1990. 672 p.
8. Bergel J.-L. *General theory of law*. М., 2000.
9. Леусенко Д.А. *Происхождение государства и права* // *Теория государства и права*. Учебник под ред. проф. Корнева В.Н. М., РАП, 2014. Гл.2.
10. Катречко С.Л. Трансцендентальная аргументация Канта как формальная онтология // *РАЦИО.RU*. 2010. № 3. С. 69-81.
11. Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект, 2002. 880 с.

References

1. Gantner J. «*Das Bild des Herzens*». *Über Vollendung und Un-Vollendung in der Kunst*. Reden und Aufsätze. Berlin; 1979. (In German)
2. Michelis P.A *Asthetikos: Essays in Art, Architecture and Aesthetics*. Detroit : Wayne State University Press; 1977.
3. Adorno, Theodor W. *Ästhetische Theorie*. Ed. Gretel Adorno and Rolf Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1970. 513 p.
4. Adorno, Theodor W. *Aesthetic Theory*. Ed. Gretel Adorno and Rolf Tiedemann. Trans. Christian Lenhardt. London and Boston: Routledge and Kegan Paul; 1984. 518 p.
5. Kistyakovsky B.A. *Law as a social phenomenon*. Moscow: Edition of M. and S. Sabashnikovs, 1916; 708 p. (In Russ.)
6. Hall J. From Legal Theory to Integrative Jurisprudence. *University of Cincinnati Law Review*. 1964;33(2):170-182.
7. Berman Harold J. *The integrative jurisprudence*. Boulder, Colo.: WestviewPress; 1990. 672 p.
8. Bergel J.-L. *General theory of law*. М., 2000.
9. Leusenko D.A. Origin of state and law. In: *Theory of state and law*. Textbook ed. Prof. Korneva V.N. Moscow: RAP, 2014. Chapter 2. (In Russ.)
10. Katrechko S.L. Kant's transcendental reasoning as a formal ontology. *RATIO.RU*. 2010;(3):69-81. (In Russ.)
11. Parsons T. *On the structure of social action*. Moscow: Academic project; 2002. 880 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. А. Леусенко – канд. филос. наук, доц. кафедры теории и истории права и государства.

Information about the author

D. A. Leusenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.12.2021; одобрена после рецензирования 25.12.2021; принята к публикации 26.12.2021.

The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 25.12.2021; accepted for publication 26.12.2021.